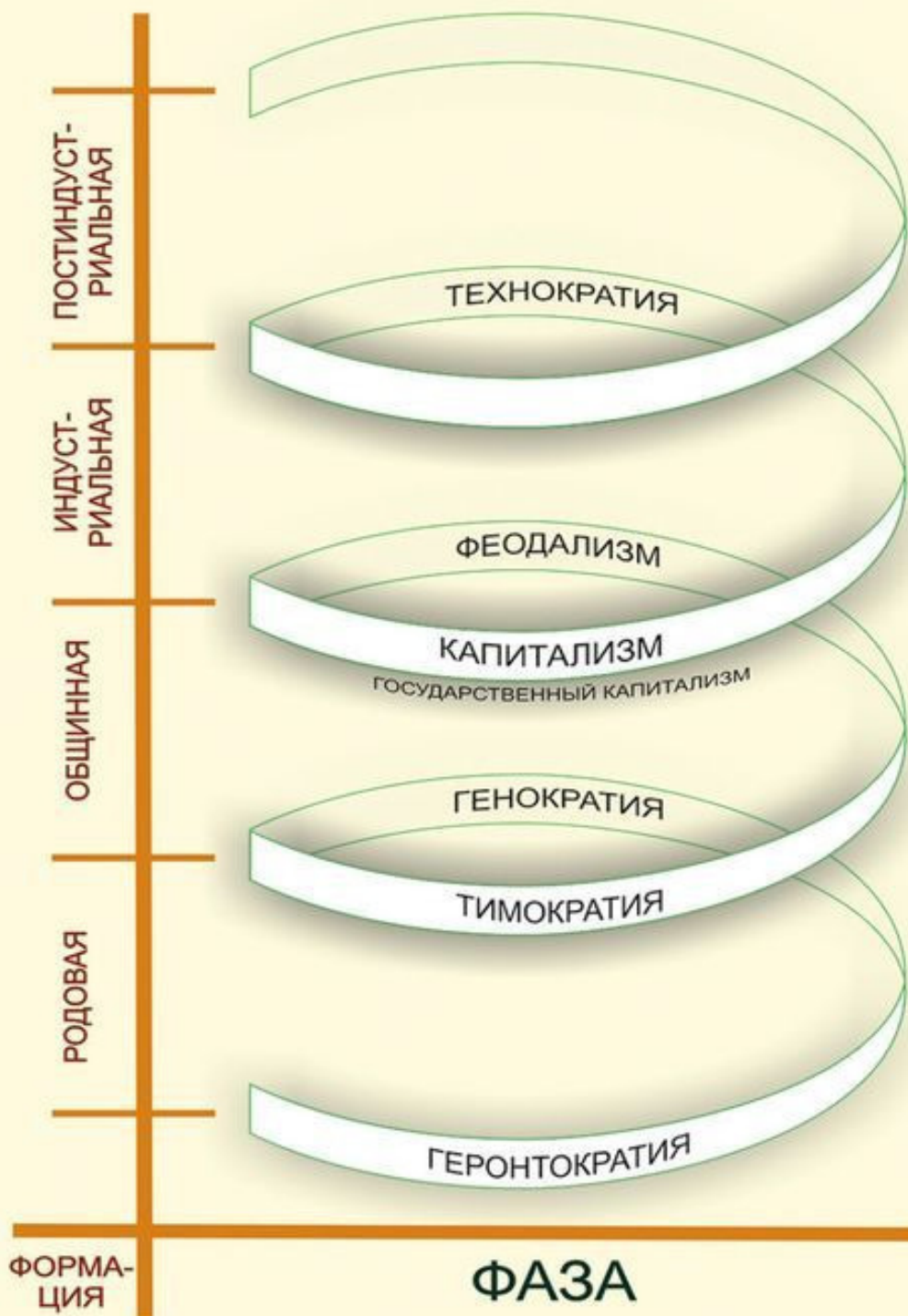

18+

Виктор Бобров
Александр Учитель

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Виктор Бобров

**Опыт периодизации
социальной истории**

«Издательские решения»

Бобров В. А.

Опыт периодизации социальной истории / В. А. Бобров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624316-3

В Сборник вошли две научные работы. Первая посвящена механизму первой социальной революции. Вторая — периодизации социальной истории. По политическим причинам ни одна из этих работ не была опубликована ранее и не стала предметом научного обсуждения. Обе работы позволяют осмыслить особенности организации такого природного процесса, как История, рассматриваемая не как последовательность событий прошлого, а как природный процесс развития человека, поднимающегося по ступеням исторической эволюции.

ISBN 978-5-00-624316-3

© Бобров В. А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Предисловие к сборнику	7
В.А. Бобров	9
Аннотация	9
I. О некоторых теоретических установках	10
II. Стадная организация и естественный отбор	15
III. Антропогенез и возникновение трудовой функции	25
IV. Революция	29
V. Теоретические выводы	30
Список литературы	32
А. Е. Учитель.	34
Предисловие	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Опыт периодизации социальной истории

Виктор Александрович Бобров

Александр Ефимович Учитель

Юлия Боброва *Редактор*

Сергей Доронин *Технический редактор, спонсор публикации данного сборника*

Лилия Молдобаева *Дизайн обложки, Сотрудник ОНА НООСФЕРА*

© Виктор Александрович Бобров, 2024

© Александр Ефимович Учитель, 2024

ISBN 978-5-0062-4316-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В данный Сборник вошли две научные работы – «Возникновение Социальной Организации» Виктора Александровича Борова и «Структурная Периодизация Социальной Истории» Александра Ефимовича Учителя, которые знакомят нас с двумя фундаментальными открытиями в исторической науке. В. Бобров открыл, А. Учитель – , основываясь на тезисах К. Маркса, изложенных в письме к Вере Засулич. *механизм первой социальной революции критерий периодизации социальной истории*

Судьба этих работ оказалась крайне сложной и противоречивой. Александр вывез свою работу в 1974 году из СССР в Израиль. Однако, ему не удалось ее опубликовать на исторической родине из-за скептического отношения израильских ученых к научному наследию К. Маркса.

Виктор Бобров оформил свое открытие научной статьей и отправил ее в журнал «Советская Этнография» в 1977 г. в надежде на публикацию и научную дискуссию. В публикации и дискуссии ему также отказали, ссылаясь на анонимные рецензии ведущих ученых.

Данные работы могут быть интересны широкому кругу читателей и, в частности, историкам, социологам, антропологам, этнографам и другим специалистам, которые заинтересованы взглянуть на человеческую историю не как последовательность событий прошлого, а как единый процесс развития человека, поднимающегося по ступеням исторической эволюции.

Вместо предисловия

Уважаемые читатели, моё знакомство с открытиями Виктора Александровича Боброва и Александра Ефимовича Учителя имеет длинную историю.

Их авторы, несмотря на молодость и далекие от комфорта условия жизни, сделали свои открытия в советском лагере для политзаключенных в с. Барашево Мордовской АССР.

Фактический материал скрупулёзно собирался до и после ареста и отбывания наказания. Виктор и Александр тщательно изучали литературу по истории и этнографии, антропологии и другим смежным научным направлениям. Они дали себе труд изучить многотомник Всемирной Истории, который в лагерь им доставили безутешные родители. Половину томов привезли родители Александра, а вторую наши папа и мама. Для поездки, обременённой таким грузом, им потребовалась и моя помощь. Поэтому на свидание с братом мы отправились втроем. В то время я перешла в выпускной класс средней школы.

Именно на этом свидании Виктор сообщил нам, что он сделал открытие механизма первой социальной революции. Уже тогда его коротенький доклад произвел на меня очень сильное впечатление.

В настоящее время всё больше людей обременяют себя вопросами духовного развития и судеб человечества. Однако, мало кто может охватить весь исторический процесс развития человечества как единого организма, в некоем определённом, заданном, направлении.

Куда мы идем как вид? Этот вопрос все ещё не имеет однозначного ответа.

Получением ответа на этот вопрос озадачились ещё в конце 60-х годов два вчерашних студента, оказавшиеся на скамье подсудимых, а затем в Мордовском лагере для политзаключенных, исключительно за свою любознательность. Свой ответ они оформили в виде спирали исторического процесса.

К сожалению, работа над моделью спирали исторического процесса, была прервана с отъездом Александра Учителя на постоянное место жительства в Израиль.

Мой брат планировал встречу с Александром в Москве и возобновление их совместной научной работы. С этой целью, он обращался за помощью в Фонд Русское Зарубежье имени А.И.Солженицына. Он надеялся организовать Научно-историческое Собрание с участием Александра Учителя. Этот Проект остался неосуществлённым из-за отсутствия достаточных финансовых средств у обеих заинтересованных сторон.

Большинство участников студенческого подпольного кружка, осужденных за «антисоветскую деятельность» и оказавшихся в Мордовском лагере для перевоспитания, нашло утешение в духовном поиске.

Только Виктор Бобров и Александр Учитель пошли непроторённым путём поиска научной истины. В Мордовской зоне они начали научную работу по моделированию спирали исторического процесса. Результаты этой работы оставались неопубликованными более 50 лет.

Ю. А. Боброва

Сотрудник Открытой Научной Ассоциации «НООСФЕРА»

Предисловие к сборнику

Данный сборник представляет вниманию читателя первые научные работы двух студентов, осужденных в 1970 г. по так называемому Саратовскому делу. За официальным обвинением в преступлениях, предусмотренных ст. 70 (ч. 1) и ст. 72 УК РСФСР, стояла попытка молодых людей, получающих образование, разобраться в вопросах развития общества, перспективах социализма и других сложных вопросах, навязанных «оттепелью» 60-х годов прошлого века. Некоторых из них удивляло разделение общественного знания на официальное и нелегальное, а любознательность толкала на попытки охватить умом обе части для формирования полной картины мира.

Для многих обвиняемых приговор судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 16 января 1970 года стал поворотным в смысле изменения направления первоначально выбранного пути. Кого-то этот поворот привел в религию, кого-то вернул в пассивную жизнь обывателей. Однако, два молодых человека – Виктор Александрович Бобров и Александр Ефимович Учитель – продолжили свои поиски ответа на вопрос «как жить дальше?». Опору в этом поиске они сделали на науку и попытались научными средствами разобраться в механизме и закономерностях внутренней организации такого природного феномена, каким является исторический процесс – особая и наивысшая форма движения материи. И такая направленность поиска имела практическую цель – научно определить направление и логику исторического процесса, опираясь на понимание структуры и динамики исторического процесса для сознательного преобразования мира в интересах человека и человечества.

Александр Ефимович Учитель занялся исследованием периодизации исторического процесса и анализом второй социальной революции – преобразования родовой формации в общинную. Виктор Александрович Бобров сосредоточился на проблеме возникновения человека и общества, на механизме превращения стадной организации гоминид в первую форму социальной организации *Homo Sapiens*. Научной работе приходилось уделять время, свободное от обязательной для политических заключенных работы в зоне. Каждый сделал свое научное открытие, еще находясь в заключении.

После освобождения жизнь развела двух молодых ученых, начавших совместную научную работу. После освобождения А.Е.Учитель эмигрировал в Израиль, а В.А.Бобров остался в СССР. Продолжение коллективной научной работы в этих условиях стало невозможным и сотрудничество постепенно угасло. Опубликовать свои научные работы никому из них не удалось. Политическая и социальная ситуация как в Израиле, так и в СССР (а в дальнейшем и в Российской Федерации) не позволила включить эту часть знания в научный оборот. Ценность результатов труда двух на тот момент начинающих свой научный путь ученых еще предстоит оценить, а начатую ими работу необходимо будет продолжить, когда, и если, для этого созреют необходимые социальные условия. Поэтому публикация настоящего сборника – это доступная нам попытка сохранить эти работы в общественной памяти и облегчить научный поиск будущим исследователям.

Мне не довелось встретиться с А.Е.Учителем, и я не очень хорошо знаю эволюцию его научного мировоззрения. А вот с Виктором Бобровым меня связывает совместная научно-организационная работа по формированию Открытой Научной Ассоциации НООСФЕРА. Эта работа была начата в 1996 году и продолжалась до смерти В. Боброва 30 января 2018 г. В.А.Бобров научно осознал роль науки и научного труда в формировании перспектив развития общества и в решении задач выхода человечества из видового кризиса. Он посвятил свою жизнь решению практических вопросов формирования научной организации нового типа, способной объединить интеллектуальный потенциал всех людей в научно-историческом труде решения проблем выживания и развития граждан, организаций, стран и народов. К сожалению

нию, наши многолетние усилия и гигантская проделанная работа не получили поддержки ни государств, к которым мы обращались, ни национальных и международных общественных организаций. Поставленный нами вопрос о формировании общественных структур, способных обеспечить развитие разума, сформировать новое качество людей и общества – социальную разумность, и включить в систему научных и экономических отношений научный капитал, остается открытым для современников и будущих поколений.

Сергей Васильевич Доронин

Сотрудник Открытой Научной Ассоциации НООСФЕРА

Генеральный директор ООО «Л-Старт»

Февраль 2023 г.

В.А. Бобров

Возникновение социальной организации (опыт структурно-функционального анализа)

Аннотация

Автор статьи проделал теоретический анализ функциональных основ стадной организации животных предков человека и анализ возникновения и развития труда в антропогенезе.

Данная статья раскрывает двойственность трудовой функции, состоящей в индивидуальной способности организмов производить работу и в социальной возможности ее кооперации. Это даёт автору основание утверждать, что в рамках стадной организации, не нарушая ее функциональных основ, могла развиваться только орудийная деятельность и, вырастающее на ее основе индивидуальное производство орудий.

Кооперируемый, коллективный труд, каким является охота на крупных животных, мог возникнуть только в группе холостяков, не участвующих в размножении и потому свободных от биологической функции.

Являясь побочным продуктом функционирования стадной организации, агрегация холостяков становится ячейкой нового качества – , способным взорвать стадную организацию и перестроить ее на новой функциональной основе – на основе коллективного труда. *п р о и з
в о д с т в е н н ы м к о л л е к т и в о м*

Возможность такого функционального сдвига в биологической организации позволяет автору отказаться от мысли о непосредственной эволюции стада в дуально-родовую организацию, а сам механизм возникновения человеческого общества представить как первую социальную революцию и выдвинуть в качестве рабочей гипотезы новый взгляд на соотношение антропосоциогенеза.

I. О некоторых теоретических установках

В реконструкции процесса возникновения социальной организации главным является социологический аспект, т.е. разбор внутренней логики социальных изменений при переходе от стада животных предков к человеческому обществу. Следовательно, речь должна идти о социальных событиях, прямыми и достоверными свидетельствами которых наука не располагает.

Попытки компенсировать этот недостаток привлечением огромного косвенного материала, способного пролить хоть какой-то свет на начало человеческой истории, ничего не решают в существе проблемы. Причина проста: косвенный материал – основа предположений, но не доказательств, поэтому логика рождает всего лишь версии интересующих нас событий. В этих условиях возможно только одно доказательство – теоретическое, и, как ни чужд научному мышлению метод выведения фактов из теории, вместо обратного, он остаётся единственным и правомерным для реконструкции недостающего исторического факта.

Первое чисто теоретическое доказательство, принадлежащее Ф. Энгельсу, было посвящено главному фактору гоминизации – орудийной деятельности, которая, по его словам, не была трудом в собственном смысле слова, и труду, начинающемуся с производства орудий.¹

Ныне трудовая теория антропогенеза перевалила столетний рубеж своей истории, но до сих пор она не пополнилась сколько-нибудь значительными конструктивными идеями, способными дополнить и конкретизировать основополагающую идею её автора. Обычно детальная реконструкция процесса становления человека и общества опирается на уже готовое, данное К. Марксом, определение труда, в исчерпывающей полноте которого нет оснований сомневаться. Сомнению подвергается лишь правомерность применения к орудийной деятельности животных марксовского выражения «инстинктивная форма труда» («рефлекторный труд» у Ю. И. Семёнова).^{2 3}

Отдавая должное терминологической строгости современного научного исследования, нельзя, однако, не заметить, что спор между сторонниками и противниками перенесения социального понятия «труд» на деятельность животного, при всеобщем признании, что человеческий труд возник не на пустом месте, а на способности животного производить определённого рода работу, теряет смысл. Ведь не так важно, как работу этого рода назвать. Гораздо важнее обратить внимание на то обстоятельство, что Ф. Энгельс в известной статье, не ставя перед собой большей задачи, чем раскрытие роли труда в процессе превращения обезьяны в человека, почему-то не использует всеобъемлющее определение труда, какое ранее дал К. Маркс в «Капитале», а рассматривает труд лишь в форме производства орудий, т.е. в форме существенной только для морфологических изменений организма (антропогенеза). Легко напрашивается мысль о том, что фактором социогенеза выступила другая сторона труда и, что, в единстве этих двух сторон, трудовая функция только и является специфически человеческим достоянием.

Бесспорно, прав Ю.И.Семёнов в том, что совершенно невозможно «решить проблему становления человеческого общества, не раскрыв истинного отношения между социогенезом и антропогенезом». Однако, согласившись с этим утверждением, легко прийти к выводу, что, поскольку проблема возникновения общества остаётся нерешённой, постольку и истинное отношение между социогенезом и антропогенезом остаётся невыясненным.⁴

¹ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20, с. 491

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с. 188—189

³ Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 118—129.

⁴ Там же, с. 30.

Затруднение, видимо, состоит, с одной стороны, в том, что представления о групповом отборе (эволюции организации), содержащиеся в концепции антропосоциогенеза, в лучшем случае, аналогичны дарвиновским представлениям об эволюции и являют собой разительный контраст с современной картиной эволюционного процесса. С другой стороны, затруднение проявляется в непонимании функциональной двойственности человеческого труда и его двойной структурообразующей роли в антропогенезе и социогенезе.⁵

Полностью преодолеть затруднение первого порядка можно лишь на основе фундаментального решения проблем эволюции организации и начать необходимо с отказа от мысли о непосредственной эволюции стадной организации в человеческое общество. Что касается функциональной двойственности человеческого труда, то раскрытие этой особенности странным образом ускользает в логике ряда исследований.

Так, Б. Ф. Поршнёв вплотную подошёл к той мысли, что прямолинейного эволюционного усложнения орудийной деятельности в антропогенезе, остающейся актом индивидуального взаимодействия организма со средой, недостаточно для появления завязи совершенно нового социального качества. Его истоки он склонен искать в отношениях между индивидами, но, посвящая своё исследование проблемам палеопсихологии, он упустил эволюционную нить самой трудовой функции и не раскрыл её роль в формировании социальных отношений. Говоря словами А. А. Леонтьева, Поршнёв, вместо того, чтобы вскрыть, каким образом мог сформироваться общественный труд, просто-напросто выкинул его за борт, подменив «сознательным трудом». Это действительно основной просчёт Поршнёва.^{6 7}

Гораздо досаднее выглядит подобный просчёт в работах Ю.И.Семёнова, чьи многолетние усилия непосредственно направлены на решение интересующей нас задачи. Ю. И. Семёнов, неведь с какой причины, счёл, что в условиях, сопутствующих становлению человеческого общества, необходимостью был «не столько совместный труд, не столько кооперирование живого труда, сколько совместная собственность на произведённую любым трудом, как совместным, так и одиночным, пищу». Поэтому он перенёс центр тяжести в сферу распределительных отношений и ушёл от конкретного исследования пути становления трудовой кооперации. Что же касается первоначального производства орудий, то Ю. И. Семёнов не утверждает наличия какой-либо кооперации в этом труде, но, делая акцент на социальной значимости производства орудий, он усматривает в нём «с самого начала» «коллективистскую сущность». В связи с этим, он так же, как и Б. Ф. Поршнёв упустил из виду важнейшую историческую особенность трудовой функции – её двойственность, состоящую:^{8 9}

- 1) с одной стороны, в индивидуальной способности организмов производить работу,
- 2) с другой – в социальной возможности её кооперации.

Точно так же, как использование естественных орудий, т.е. первоначальное их производство – это сугубо индивидуальный акт. Различие состоит в том, что, в процессе систематического использования естественных орудий, организм, и, прежде всего, лапа животного приспособляется к владению готовыми предметами, лапа превращается в руку, а в акте производства индивид приспособляет камень или палку к конкретной операции и к руке, но и в этой преобразующей деятельности налицо адаптация, но не к предмету, а к принципиально новой функции. Конечно же, орудийная опосредованность связи животных предков человека со средой не делает производство орудий биологически «совершенно бесполезным»,

⁵ Наиболее последовательно концепция антропосоциогенеза представлена Ю. И. Семёновым в той же работе, с. 26—33.

⁶ Поршнёв Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974, с. 380—403.

⁷ Леонтьев А. А. О начале человеческой истории. Размышления над книгой Поршнёва Б. Ф. – «Советская этнография», 1975, №5, с. 145.

⁸ Семёнов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества. В кн.1, «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968, с. 196.

⁹ Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 106.

как это полагает Ю.И.Семёнов. Напротив, развитие орудийной деятельности и производство орудий были эффективным условием выживания форм, а индивидуальность этих видов деятельности – самая существенная основа морфологических изменений в антропогенезе.¹⁰

Попытка Ю. И. Семёнова найти движущие силы социогенеза, закрывая глаза на роль индивидуального естественного отбора и, тем самым, упрощая сложную механику отбора у организованных животных, связана с тремя ошибочными установками, синтезированными в его концепции антропосоциогенеза. С первой – мы сталкиваемся в самом названии монографии Ю. И. Семёнова «Как возникло человечество». Возникновение человечества – это длящийся процесс – оно не «возникло», а всё ещё возникает. Перенесение категории «человечество», как мыслимой общности, на реальную действительность не имеет фактических оснований и не облегчает решение проблемы. Отождествлять возникновение первой формы социальной организации с возникновением человечества, тем более, недопустимо, что «человечество», как уровень организации вида – это не более, как предполагаемая перспектива развития социальной организации. *Homo sapiens*

Вторая ошибочная установка, очевидно, производна от первой и состоит в категоричности, с которой Ю. И. Семёнов утверждает, что переход от стадной организации к человеческому обществу – это переход от биологического качества к социальному через «биосоциальное» образование – «первобытное человеческое стадо». Дифференцирующую границу между животным и человеческим вряд ли можно провести такой категоричностью суждений. Достаточно напомнить, что существование готового человеческого общества определяется двумя функциями: социальной (трудовой) и биологической (размножением или детопроизводством) и этого вполне достаточно, чтобы отказаться от рассмотрения этого перехода, как перехода от биологического к социальному. Видимо, речь идёт о переходе в рамках биологического качества от одних форм организации к другим, и, чтобы не отвлекаться от темы на рассмотрение вопроса о правомерности нарушений биологами «терминологических табу» упорным применением к биологическим формам организации социальных категорий, первые из них условимся считать биологическими, вторые – социальными.¹¹

Третья ошибочная установка проявляется в стремлении Ю. И. Семёнова связать свою концепцию антропосоциогенеза с мыслью Ф. Энгельса о том, что «с появлением готового человека возник вдобавок ещё новый элемент – общество». Ю. Семенов указывает на такое совпадение периодов становления человека и общества, когда начало процесса становления человека является началом процесса становления общества, а завершение первого является одновременно завершением второго.¹²

На наш взгляд из высказывания Энгельса следует только то, что им сказано, а именно: общество возникло с появлением готового человека, поскольку становление общества до определённого момента – это исключительно формирование элементов его составляющих, и говорить об одновременном с антропогенезом генезисе социальной организации невозможно, даже имея в виду становление её зачатков, так как эмбрионом социальной организации может быть только объединение новых элементов, связанных новой (социальной) функцией. Только на основе своего функционального единства новые элементы способны взорвать стадную организацию и перестроить её в социальную. Трудно возражать против того, что антропогенез уже завершился, но считать социогенез завершённым в момент появления первой формы его социальной организации (дуально-родовой) не более основательно, чем декларировать, например, любую из ранних стадий морфологических изменений окончательным моментом становления *Homo sapiens*

¹⁰ Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 105.

¹¹ Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. с. 22.

¹² Энгельс Ф., Указ. раб. с. 490; Семёнов Ю. И., Там же, стр. 31.

Чтобы доказать, что диалектическая связь антропосоциогенеза с социогенезом гораздо сложнее, а механизм преобразования стадной структуры в социальную гораздо проще, чем представляется Ю. И. Семёнову здесь предлагается для реконструкции процесса возникновения социальной организации опыт структурно-функционального анализа. Эта методология, основываясь на примате функции над структурой, как нельзя лучше отвечает существу трудовой теории антропогенеза. Она поможет преодолеть ошибку, объединяющую Семёнова с Л. А. Файнбергом и другими исследователями, которые, придерживаясь концепции изначальной одновременности антропогенеза с социогенезом стремятся представить возникновение общества как результат прямой эволюции животных форм организации в дуально-родовую. В свою очередь, это побуждает искать решение проблемы в стихийном стремлении к сближению и сотрудничеству ранее независимых друг от друга групп или двух стад.¹³

В поддержку такого предположения высказался С. А. Токарев, излагая идею супругов Макариусов о миротворческих мотивах введения межгрупповых браков ради которых были запрещены браки внутри групп. Несколько иначе, но на том же принципе построена концепция Ю. И. Семёнова, считающего межстадные браки взаимовыгодными актами в выходе из тупика, возникшего с необходимостью окончательного вытеснения половой жизни за пределы коллектива. В этом же направлении сосредоточены усилия Файнберга, ищущего в стадных отношениях приматов нечто похожее на тенденцию к экзогамии и матрилинейности, которая закрепляясь должна упрочить и связи между соседними коллективами.¹⁴

Однако, такая теоретическая установка уязвима в двух отношениях.

Во-первых, она принципиально направлена на обход загадки универсальности дуально-родовой организации, а если и делается вынужденная попытка её объяснения, то она строится на том, что ревность, мешающая внутреннему единству первобытного человеческого стада, преодолевается путём половых запретов, исключаяющих половую жизнь в стаде и, тем самым, выносящих её за пределы коллектива. Однако, чем шире круг межколлективных половых связей, тем якобы шире арена конфликтов, поэтому дуальная организация возникает как оптимальный способ сужения этой арены. В этом объяснении легко обнаружить логическую ошибку. Если причина выхода половых устремлений за рамки коллектива усматривается в таком подавлении половой жизни внутри группы, что самцы не живут со своими самками, то межстадные контакты не нарушают монополии на самку, следовательно, нет почвы и для межстадных конфликтов, базу которых якобы призвана свести до минимума дуальная организация. Поэтому не исключена любая множественная комбинация межстадных половых контактов.¹⁵

Во-вторых, в направлении мысли, сосредоточенном на выявлении в стадных отношениях приматов тенденций, близких к экзогамии, которые потом просто развиваются и закрепляются в процессе гоминизации (С. А. Арутюнов даже говорит об «институционализации» порядка, сложившегося в биологических рамках), в фокусе исследования ошибочно оказывается социальная норма – экзогамия, а не социальная функция, её породившая. Вместо исследования загадки выдвигения на первый план принципиально новых отношений, определяющих структуру социального организма, исследователи заняты анализом отношений, господствующих в стаде, и перерастания тех же брачных отношений в социально регулируемые. Труд, как направляющий фактор эволюции гоминид, остаётся где-то в стороне.¹⁶

В этом проявляется элементарное нарушение методологической последовательности, не случайно сформулированной Ф. Энгельсом в предисловии к работе «Возникновение семьи,

¹³ Файнберг Л. А. О некоторых предпосылках возникновения социальной организации. «Советская этнография», 1974, №5, стр. 94—103; Возникновение и развитие родового строя. В кн. «Первобытное общество». М., 1975, с. 49—87.

¹⁴ Токарев С. А. Новое о происхождении экзогамии и о тотемизме. В кн. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». М., 1968, с. 260, 258.

¹⁵ Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. с. 472—477.

¹⁶ Арутюнов С. А. О форме стада предлюдей. «Советская этнография», 1974, №5, с. 107.

частной собственности и государства» как «материалистическое понимание», согласно которому определяющим моментом в истории является производство средств к жизни и детопроизводство, поэтому «Общественные порядки, при которых живут люди определённой исторической эпохи и определённой страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семьи». У сторонников трудовой теории антропогенеза не вызывает сомнения первостепенная роль труда в формировании общественных порядков, при которых живут люди. Важно придерживаться этого убеждения на практике и не сводить решение проблемы возникновения социальной организации к поиску механизма возникновения экзогамного рода, а потом гадать – совпадал он с производственным коллективом или не совпадал. Ведь так же, как детопроизводство в готовом человеческом обществе осуществляется семьёй, так и труд осуществляется трудовым или производственным коллективом. Следовательно, в центре внимания при решении данной проблемы должно стоять возникновение непосредственно трудового (производственного) коллектива.¹⁷

При такой постановке вопроса возможен один путь: раскрыть функциональную основу стадной организации, проследить возникновение в рамках этой организации новой, трудовой, функции и выяснить её воздействие на отношения, господствующие в стаде.

Тут-то мы и сталкиваемся вплотную с отмеченными в начале статьи трудностями. Особенно отчётливо они проявились в ходе обсуждения статьи Л. А. Файнберга, когда многообразие форм стадных объединений приматов стало камнем преткновения на пути исследователей.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25—26.

II. Стадная организация и естественный отбор

Обращая внимание на установленную этологами зависимость структуры стада от экологических условий, на то, что наиболее стабильной субъединицей является материнско-детская группа и, что связь дочерей с матерью поддерживается и во взрослом состоянии, Л.А.Файнберг произвёл сильное впечатление на Ю. И. Семёнова, заставив его прийти к выводу, «что вопреки распространённому мнению, половые отношения у обезьян не только не определяют структуру их объединений, но даже сколько-нибудь существенно не влияют на неё», и побудил вслед за собой отказаться от прежнего взгляда на роль гаремной семьи. Взгляд на роль последней – это результат логического выбора подходящей структуры из многообразия форм стадной организации современных приматов. Поскольку гаремная семья существует в природе, а право принимать её во внимание или отказаться остаётся за исследователем, то нам необходимо будет рассмотреть вопрос об основаниях выбора подходящей структуры для стада гоминид, но прежде задержим внимание на самом подходе к функциональным основам стада.

18

Не только Ю. И. Семёнов отрицает роль половых отношений в детерминации структуры обезьяньих сообществ. У биологов К. Вилли и В. Детье мы находим утверждение, что «основу сообщества составляют не половые отношения, как некогда полагали, а необходимость защиты от врагов», и это только на том основании, что для этих авторов совершенно очевидна роль доминирующих самцов в защите стада. Для другого же известного исследователя – зоолога и антрополога Дж. Шаллера очевидно совершенно другое – отсутствие доминирующей сексуальности в сообществах горилл. Но и он на этом основании тоже считает, что М. Салинс неправоммерно рассматривает половой инстинкт в качестве организующей силы общества приматов.^{19 20}

По этому поводу нельзя не заметить следующее:

- во-первых, важная роль доминирующих самцов очевидна не только в защите стада, но и в размножении и, вообще, очевидно всё не выпало из поля зрения наблюдателя, но не всё играет равную роль в организации приматов;
- во-вторых, наивное доверие видимому – источник стойких заблуждений, поэтому со времён Коперника научный анализ предполагает проверку очевидного;
- в-третьих, структурообразующая роль половых отношений, а точнее функции размножения, определяется не степенью сексуальности, а предшествующей эволюцией, отобравшей именно этот способ организации приматов в качестве непосредственной ступеньки на пути к социальной организации. *Homo sapiens*

Именно поэтому мы обращаем внимание специалистов на работы Е.Н.Панова, в которых поставлен вопрос не просто об эволюции организации (такая постановка вопроса содержится в концепции антропосоциогенеза), а эволюция вида понимается как естественный отбор, материалом которого являются не только особи, но и сами способы организации.²¹

С этих позиций вопрос выбора исходной структуры стада гоминид неотрывен от вопроса выбора её функциональной основы, а логика выбора должна соответствовать естественному отбору, уже совершённого природой. Для этого необходимо подняться на уровень современных генетических представлений об эволюции. Ведь если на уровне организмов эволюцион-

¹⁸ Семёнов Ю. И. Объединения обезьян и человеческое общество. «Советская этнография», 1974, №5, с. 115.

¹⁹ Вилли К, Детье В. Биология (биологические процессы и законы). М., 1974, с. 655

²⁰ J. Schaller. The mountain gorilla/ Ecology and behavior, Chicago – London, 1963.

²¹ Панов Е. Н. популяция и индивидуум: эволюция взаимоотношений. «природа», 1973, №3; Организация и эволюция популяционных систем. «Вопросы философии», 1973, №11.

ный процесс обнаружил более сложную картину, чем непосредственная эволюция путём наследования приобретённых признаков, то и на уровне организации тщетны попытки выведения человеческого общества из непосредственной эволюции стадной организации.

Дополняя Панова в постановке вопроса об эволюции укажем, что такую же роль, какую в эволюции организмов играют мутации (непосредственное сырьё отбора), в эволюции организации играют функциональные сдвиги, перестройки организации на новой функциональной основе. Точно так же, как новые виды образуются не из самых высокоразвитых и специализированных форм организмов, новые способы организации образуются из неспециализированных объединений организмов. Возможные варианты таких своеобразных мутаций организмов и являются непосредственным организационным сырьём отбора. Поэтому естественно утверждать, что выбор подходящей структуры для стада гоминид должен основываться не на выборе таковой из числа уже отобранных эволюцией приматов, а на более широком спектре функциональных возможностей, какой был представлен предшествующей эволюцией млекопитающих. Для выяснения более глубоких истоков допустимо выходить и на более широкий спектр в эволюции организации, который предоставляется следующей по широте таксономической категорией.

При этом наш выбор определяется тремя руководящими положениями:

1) по своим функциональным особенностям стада гоминид так же, и даже более, многовариантны, как и стада ныне существующих приматов и только один из способов их функциональной организации (сапиентный) прошёл фильтр отбора;

2) функциональной основой стада гоминид, от которого произошло человеческое общество, должен быть тот способ организации, который мыслим как единственно необходимая предпосылка возникновения общества, исходя из ретроспективного взгляда на историю социальных отношений;

3) сопоставления с формами стадных отношений приматов должны учитывать тот факт, что эти формы стадности лишь похожи на стада гоминид как родственники, выбравшие иной способ существования.

Итак, чтобы разобраться в причинах отсутствия постоянной и однозначной структуры в стадных объединениях приматов, понять, где кончаются законы экологии и начинаются законы стада, и выяснить действительную природу противоречия, отмеченного ещё Ф. Эспинасом, как противоречие между семьёй и стадом, необходимо смотреть на предмет глазами биолога – эволюциониста, не замыкаясь в узких рамках приматологии, и учитывать, что стадо не единственная организационная единица, а всегда составная часть популяций.²²

Этология давно выяснила, что не только внешние причины регулируют жизнь популяций, поэтому не повторяя установленных истин, отошлём читателя к трём статьям этолога Е. Н. Панова, который рассматривает исключительно организационные (по Панову – социальные) механизмы, регулирующие темп самовоспроизведения популяции.²³

Знакомство с этим материалом не оставляет места сомнениям по поводу функциональной основы стада вообще, приматов – в частности. Однако поскольку целью Панова было выяснение функционирования стада как целого, независимо от особенностей составляющих его единиц (надо заметить, с этой задачей он справился блестяще), то его высказывания относительно стада (сообщества – по Панову) не могут быть признаны удовлетворительными. Достаточно сказать, что он кроме сексуальных контактов ведёт речь о наличии безымянных «несексуальных» связей, и его рассуждения о соотношении тех и других совершенно не аргументированы ни фактически, ни методологически.²⁴

²² Эспинас А. Социальная жизнь животных. СПб., 1882, с. 393

²³ В дополнение к указ. работам Панов Е. Н. см.: Всех зверей язык узнал он... «Знание – сила», 1970, с. 40—42.

²⁴ Панов Е. Н. Организация и эволюция популяционных систем, с.135—136.

Согласно анализу Панова, а с этим нельзя не согласиться, целевая функция популяции – оптимальное самовоспроизведение. Действительно, точки пересечения силовых линий двух сопряжённых процессов отбора особей и отбора организаций образуются на уровне популяций, в чём проявляется действие географического детерминизма, довлеющего над животным и растительным миром и отчего оптимальное самовоспроизведение вида, в конечном счёте, определяется территориальными границами популяции. (Смысл этого представления станет понятен ниже.) Известно и то, что силовые связи организации устраняют от участия в размножении всех слабых, неспособных по каким-то причинам занять место в иерархии, и эти особи, по выражению Панова, создают своеобразную буферную защиту между враждебной средой и центром организации, занятым более ценными особями. Выходя за рамки организации (и этологии), эта картина находит своё продолжение в геногеографической картине Н. И. Вавилова, отражающей закон оттеснения рецессивных генов из центра формообразования.²⁵

Таким образом, создаётся схема кругов, разбегающихся от центра к периферии. Но на ограниченной поверхности земли много организаций разных видов со своими центрами, образующими массу таких пульсирующих жизнью кругов. Внешние границы организаций разных видов сталкиваются, что проявляется в межвидовой борьбе за существование, и жизнь особи, вообще, и заключённой в ней наследственной информации, изгоев особенно, подвергается двойному отбору – организационному и внешнему (экологическому). Двустороннее давление отбора, элиминируя отклонения от средней нормы, в идеале направлено на репродукцию системы в неизменном виде. На самом деле эволюция являет картину чередования постоянства и изменчивости. Значит, в силовых связях есть просветы (узкие места), через которые новые формы выходят на новый уровень организации. Без этого немислим ароморфоз.²⁶

Чтобы найти эти просветы, необходимо подвергнуть анализу функциональные организации во времени, вскрывая качественные изменения на разных уровнях её развития синхронными срезами.

Прежде всего, разделим функции на индивидуальные (функции организма) и организационные (функции организационной единицы). Сугубо индивидуальными являются такие функции как питание и самозащита. Половая функция при двуполом принципе размножения – это уже организационная функция размножения. Она-то нас и интересует в первую очередь, так как ретроспективный взгляд на историю человеческого общества убедительно свидетельствует, что этапы его становления, начиная с первой нормы, были этапами подчинения этой функции производственным отношениям.

Минимальной единицей размножения является пара особей – объединение «самец – самка». Разное состояние организмов в популяции (наличие бесплодных особей обоего пола, больных или просто слабых животных), а также особенности физиологии половой функции организма, приводят к тому, что половой отбор или половая конкуренция меняют число особей, участвующих в размножении в ту или иную сторону. Кроме того, различная роль самца и самки в размножении, закреплённая морфологически, рождает разделение функций в самом процессе детопроизводства более глубокого порядка, чем физиологическое разделение. Так, если самка вынашивает и выкармливает детёнышей, то за самцом закрепляется функция защиты, вырастающая на основе индивидуальной функции самозащиты. Морфологически она закрепляется увеличением размеров самца, его физической силы и клыков. Одновременно, такая вооружённость в борьбе за биологические преимущества, к числу которых относится и участие в размножении. Это открывает путь формированию гаремной семьи, меняя соотношение полов по линии увеличения числа самок, которым оказывается покровительство

²⁵ Алексеев В. П. Генетика и антропология. «Наука и жизнь», 1969, №9.

²⁶ Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970, с. 92

и защита. Такая форма семьи создаёт благоприятные условия для размножения и, поэтому, имеет широкое распространение у животных.²⁷

Из этого следует важный вывод, что организационная роль защиты является результатом разделения ролей в детопроизводстве и организационное значение такой защиты неотрывно от покровительства доминирующего самца и ограничено кругом его индивидуальных интересов.

Теперь разделим функции на внешние и внутренние. Внешними, связанными с экологией, являются питание и защита, внутренней – размножение.

Тот факт, что по первому принципу разделения функций, функция защиты группируется с размножением ограниченно, а по второму – с питанием, обнаруживает не только производный характер этой функции, но и её нестабильность, вариабельность. У существующих обезьян, при неизменности принципа размножения и, в основном, одинаковом принципе питания, наблюдаются многообразные варианты стадной организации – это значит, что влияние внешних условий на трансформацию стадной структуры происходит через изменение защитной роли доминирующих самцов в детопроизводственном разделении обязанностей.

Подробнее останавливаясь на функции питания, надо отметить, что обезьяны просто пасутся на определённой кормовой территории как растительноядные, но неспециализированные животные. Поэтому, известно включение в их пищевой рацион и мясной пищи, вплоть до охоты шимпанзе на маргышек, павианов, поросят кабана и других мелких животных. Особо надо оговорить использование в естественных условиях таких орудий, как прутики и камни, обезьянами-шимпанзе, которые, видимо, являются единственным животным, регулярно прибегающим к орудийным операциям в пицедобыче.^{28 29 30}

У шимпанзе орудийная деятельность и охота остаются индивидуальными средствами индивидуального питания, поэтому можно смело сказать, что даже такие сложные формы пицедобычи не выполняют структурообразующей роли в организации. Только функция размножения и, ограниченно, функция защиты, вместе, определяют пространственно-временную структуру стада.

Теперь обратим внимание на то обстоятельство, что, в сравнении с другими видами животных, приматы не обладают сколько-нибудь эффективными естественными средствами индивидуальной защиты, и роль стадности при изменении среды обитания имеет первостепенное значение.

Р. Каррингтон говорит, что только 15—20 самцов павианов способны не допустить к стаду гепарда и даже леопарда.³¹

Необходимость перехода от защиты, являющейся результатом разделения ролей в семье, к стадной коллективной защите требует изменения отношений между самцами. При этом изменения далеки от перестройки их отношений на новой функциональной основе, поскольку коллективная защита у животных – это не кооперация действий, а сложение одинаковых реакций на опасность, что и усиливает защиту количественно. Поэтому изменения в отношениях не меняют систему доминирования у самцов, а лишь дополняют её взаимной терпимостью, а иерархия поддерживается чаще ритуальными формами, чем драками, но это не исключает иерархических боёв.

Ещё одна особенность служит ярким доказательством первостепенной роли функции размножения в образовании стадной структуры обезьян. Это тот факт, что все формы стадных

²⁷ Тих Н. А. Там же.

²⁸ Тих Н. А. Указ. раб., с. 278.

²⁹ Ван Ловик-Гудолл Дж. Мои друзья – дикие шимпанзе. «Знание – сила», 1972, №6, с. 51.

³⁰ Шовен Р. Поведение животных. М., 1972, с. 110.

³¹ Каррингтон. Млекопитающие. М., 1974, с. 151.

отношений, в том числе и демонстрирующие положение членов стада в иерархии, за исключением демонстрации доминирования, независимо от пола и возраста выражаются сексуальным ритуалом: покровительство сильного слабому демонстрируется покрыванием, просьба взять пищу – подставлением, подчинение – подставлением, положительная реакция на «ревёранс» (подставление) – дотрагиванием к половой коже, сигнал защищённости – покрыванием. Исключение из этого правила – демонстрация доминирования – выражается в ритуализованных формах угрозы, развившихся из подготовительных движений драки, но само нарушение иерархии пресекается побоями или дракой.^{32 33}

Из всего сказанного следует вывод, что структурообразующей функцией, определяющей способ существования интересующей нас организации, является функция размножения. Она занимает место в синхронии (горизонтальном срезе) и определяет иерархию особей.

Другой структурообразующей функцией, внешней по своей организационной роли, занимающей место в диахронии (вертикальном срезе) и трансформирующей стадную структуру в зависимости от среды обитания, является защита. Организационное значение этой функции возрастает по мере морфологического развития организации, проходя такие стадии, как самозащита, защита и коллективная защита, но даже на высшей стадии, оставаясь совокупностью индивидуальных обязанностей самцов в разделении ролей по детопроизводству.

Стадо несёт ещё дополнительную функцию коллективной защиты. Это немаловажное обстоятельство. На его основе мы можем построить (по восходящей) цепь известных уровней биологической организации, отражающую, с одной стороны, повышение организационной целостности за счёт сужения организационных рамок, с другой – увеличение набора функций, вообще, и структурообразующих, в частности. Эту мысль иллюстрирует схема №1. По поводу всех схем следует подчеркнуть, что они представляют собой инструмент исследования, подлежащий дальнейшему усовершенствованию в процессе работы.

Первоначальной ступенью такой цепи является вид, пищедобывающая функция которого обеспечивает ему место в экологической нише. Второй ступенью является популяция, обеспечивающая своими территориальными границами две функции – питания и оптимального самовоспроизведения, первая из которых остаётся индивидуальной функцией организма, а вторая – организационной функцией популяции. Третья ступень – это стадо, структура которого осуществляет все три функции: индивидуальную – питание, организационную – размножение и организационную по значению – коллективную защиту.³⁴

Схема №1

Первоначальной ступенью такой цепи является вид, пищедобывающая функция которого обеспечивает ему место в экологической нише. Второй ступенью является популяция, обеспечивающая своими территориальными границами две функции – питания и оптимального самовоспроизведения, первая из которых остаётся индивидуальной функцией организма, а вторая – организационной функцией популяции. Третья ступень – это стадо, структура которого осуществляет все три функции: индивидуальную – питание, организационную – размножение и организационную по значению – коллективную защиту. Крайняя лабильность стадных объединений обезьян – свидетельство тупика их организационного развития на основе функции размножения, которая оставляет единицей организации популяции. Коллективная защита

³² Тих Н. А. Указ. раб., с. 149—175.

³³ Вилли К., Детье В. Указ. раб., с. 655.

³⁴ В качестве исходной основы берётся неорганизованное скопление вида в соответствии с теорией Эсли У. С. (1951). Такие скопления образуются на основе общих потребностей, например, пищевых. Выделение из этой массы группы «самец-самка» или «самцы-самки», связанной функцией размножения, может быть истощением пищевых ресурсов в месте первоначального скопления, или иным изменением среды. Именно отсюда берет начало перспективный и важный для нас способ организации вида.

лишь относительно необходимая функция. Она повышает степень сплочённости до организационного уровня стада только в неблагоприятных условиях.³⁵

Таким образом, причина неустойчивости обезьяньего стада, понимаемая до сих пор как результат противоречия между семьёй и стадом, состоит в том, что стадо не отрывается от популяции и лежащая в его основе (в синхронии) функция размножения не заменяется в стаде функцией защиты, а лишь дополняется ею. Говоря структуралистским языком, защита не становится основой функционирования стада, а проникает в синхронию (в синтагму) в виде разделения ролей в детопроизводстве и, тем самым, оказывает влияние на правила построения структуры (парадигму).

Теперь, возвращаясь к вопросу об эволюции и естественном отборе самих способов организации, надо отметить, что схема №1, возводящая пирамиду от вида к стаду на основе увеличения набора функций, обеспечивающих сохранение вида, согласуется с мыслью Е. Н. Панова. Панов на основе вывода Дж. Кэлхауна о различном иерархическом ранге колоний серой крысы в пределах одной популяции и эксперимента Вандерберга по формированию сообществ у макак-резусов, считает, что возвышение ранга субпопуляционных единиц и тенденция к их относительной изоляции способствует ускорению эволюции, поскольку в малой популяции все её характеристики подвергаются более частой проверке. Эта мысль имеет огромное значение для понимания генетического процесса, который привёл стадо гоминид к формированию в нём производственного коллектива. Эксперименты и материалы, послужившие Панову основой для выдвижения гипотезы об эволюции как естественном отборе не только особей, но и самих способов организации, не воспроизводят эволюционный процесс, а воспроизводят закономерности функционального развития популяции, а это только часть эволюции организации.³⁶

Такое функциональное развитие не вырабатывает новых структурных субъединиц популяции, а выявляет на новом уровне развития в лице высокоранговых субъединиц наиболее совершенные формы организации, возможные на основе одного и того же способа функционирования. (В данном случае речь идёт о способе, основанном на функции размножения.) Значит, полная картина эволюции организации на основе одного способа должна включать ещё и предшествующий процесс, когда формируется морфологически сложная популяция, т.е., как минимум, должно быть два цикла:

- 1) морфологический
- 2) функциональный.

Только вместе они составляют развитие организации от момента возникновения её зародыша (элементов, связанных какой-то функцией) до тупика или перехода к новому способу организации на новой функциональной основе.

Собственные максимальные пространственные границы организации определяются морфологическими и функциональными возможностями, с одной стороны, организации, с другой – индивида. Мы же имеем дело с развивающейся во времени системой, в которой два потока (развитие организма и развитие организации) идут с разной скоростью. Кроме того, так же, как развитие организации имеет два цикла, так и развитие организма (онтогенез) можно свести к этим же двум циклам: морфологическому и функциональному.

Добавьте в эти два потока непрерывно возникающие мутации (генетические и организационные или социальные) и вы получите схему фильтра естественного отбора. Цикл морфологических изменений организма (дивергенция) проходит воронку цикла функционального раз-

³⁵ В качестве исходной основы берётся неорганизованное скопление вида в соответствии с теорией Эсли У. С. (1951). Такие скопления образуются на основе общих потребностей, например, пищевых. Выделение из этой массы группы «самец-самка» или «самцы-самки», связанной функцией размножения, может быть истощением пищевых ресурсов в месте первоначального скопления, или иным изменением среды. Именно отсюда берет начало перспективный и важный для нас способ организации вида.

³⁶ Подробнее см. у Панова Е. Н. Организация и эволюция популяционных систем. с. 137.

вития организации (конвергенции), точки пересечения в максимуме и в минимуме образуют пространственные и временные границы организации на основе какого-то способа (Схема №2)

Схема №2

Движущиеся с разной скоростью, но в одном направлении, два потока образуют ароморфоз, вершиной которого является человечество (вершиной которого является человечество (популяция)). Хотя мы далеки ещё от такого уровня социальной организации, как «обобществившееся человечество», тем не менее, функциональная основа социальной организации даёт возможность прогнозировать такой максимум её морфологического развития. Соответственно, предел её функционального развития определяется биологическими возможностями вида, филогенетически унаследованными человеком в ходе всей предшествующей эволюции животного мира (Схема №3). *Homo sapiens*³⁷

Схема №3

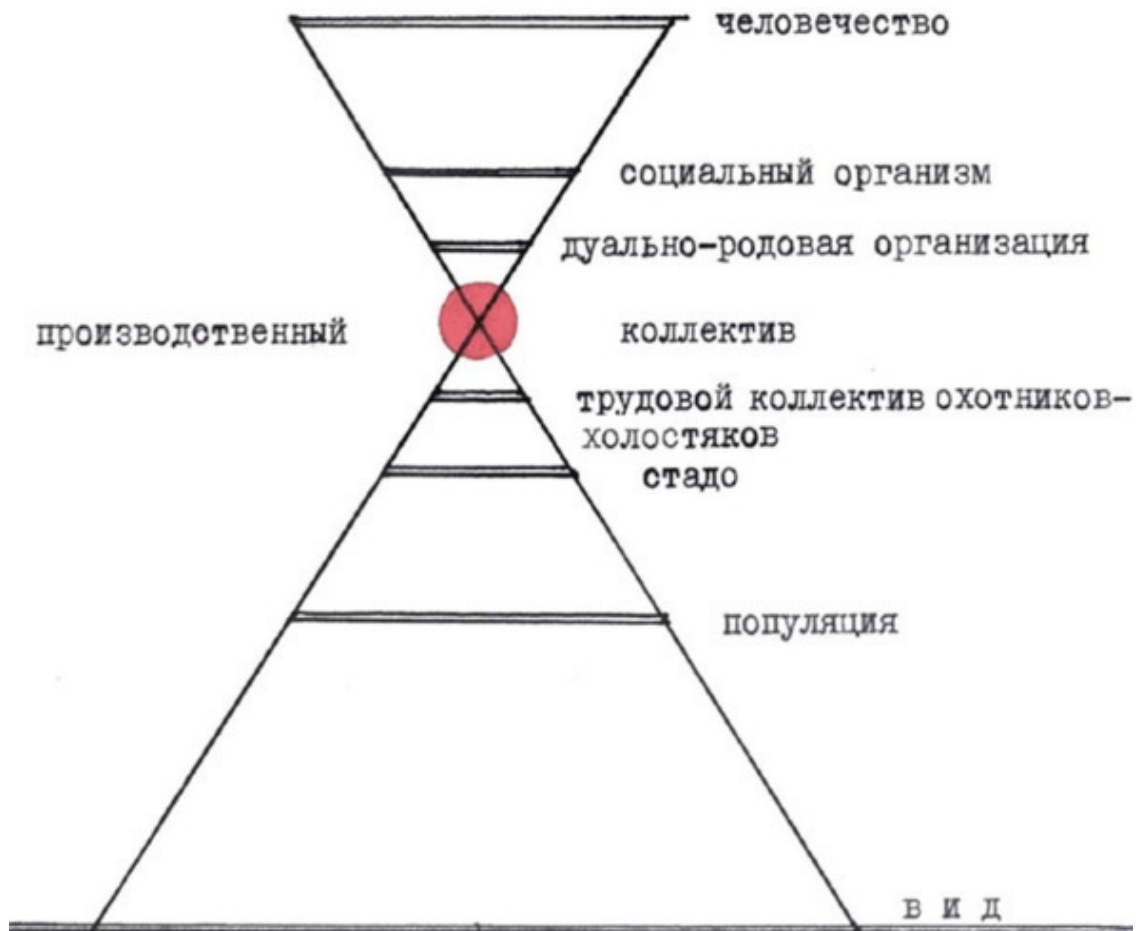
Прежде чем перейти к следующей части статьи, кратко обрисует эволюционную картину функционирования стадной организации.

Иерархия у обезьян, как и у других животных, выражается в доминировании сильного животного над слабым. Доминирующие самцы, монополизируя самок, отстраняют от участия в размножении более молодых и слабых самцов, которые образуют всегда заметную группу холостяков или «клубы холостяков». Стычки или иерархические бои между самцами за право участвовать в размножении – постоянный источник появления выбитых из стадной структуры одиночных самцов или самцов, пополняющих холостяцкие агрегации. Такие агрегации, без видимой функциональной основы, не что иное, как побочный продукт функции размножения, которую осуществляет стадная структура.

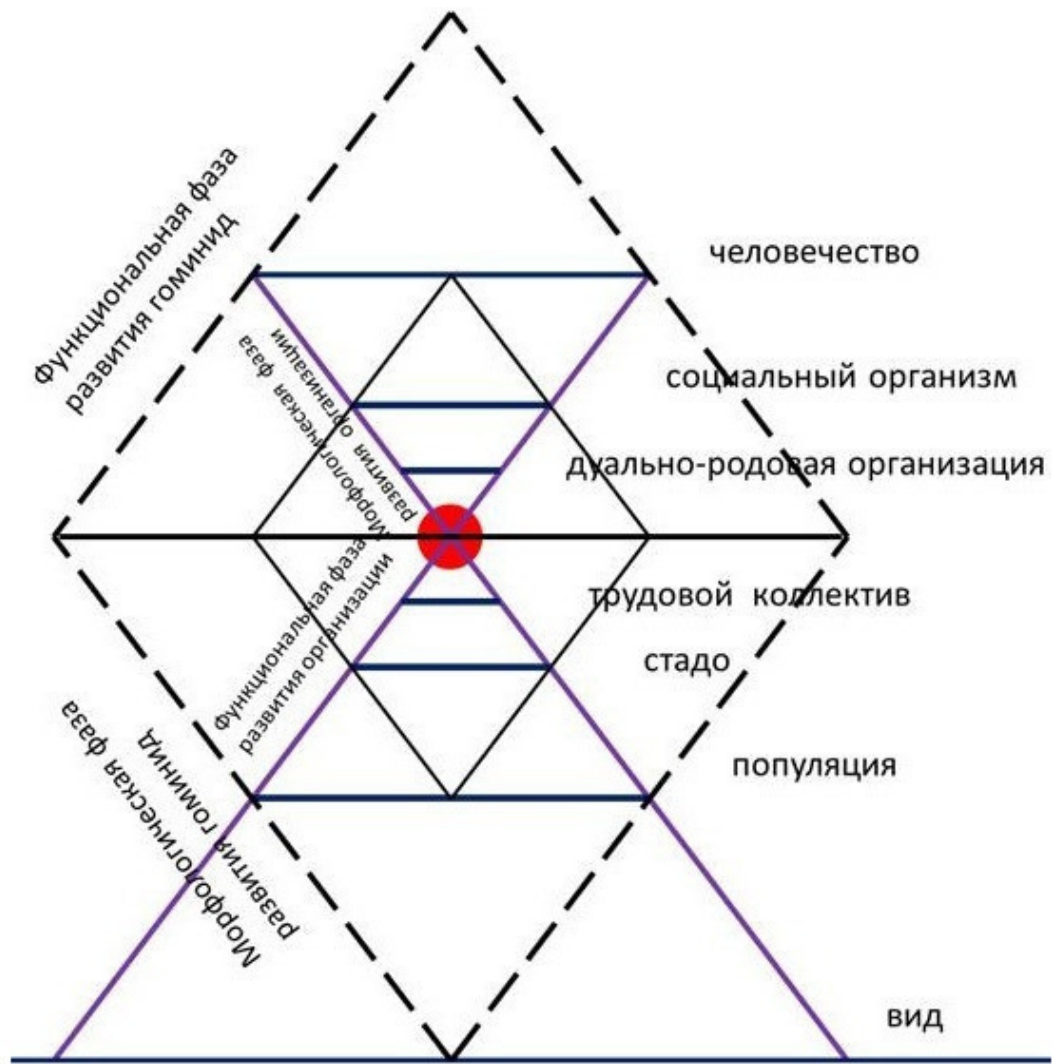
Иерархия самцов, регламентируя половые связи в стаде, создаёт благоприятные условия для воспроизводства, поскольку покровительство доминирующих самцов, оказываемое здоровым и плодовитым самкам, повышает их ранг в стаде и избавляет от лишних и беспорядочных контактов. Высокоранговые особи как самцы, так и самки, занимают центральное место в организации. Это обеспечивает их лучшим участком для отдыха или ночлега, закрепляет их первенство в поедании пищи и, если по экологическим условиям холостяки не отрываются от стада, то высококоранговые животные, ценные с точки зрения процветания вида и продолжения рода, обеспечиваются своеобразной буферной защитой, отделяющей ядро организации от враждебной среды.

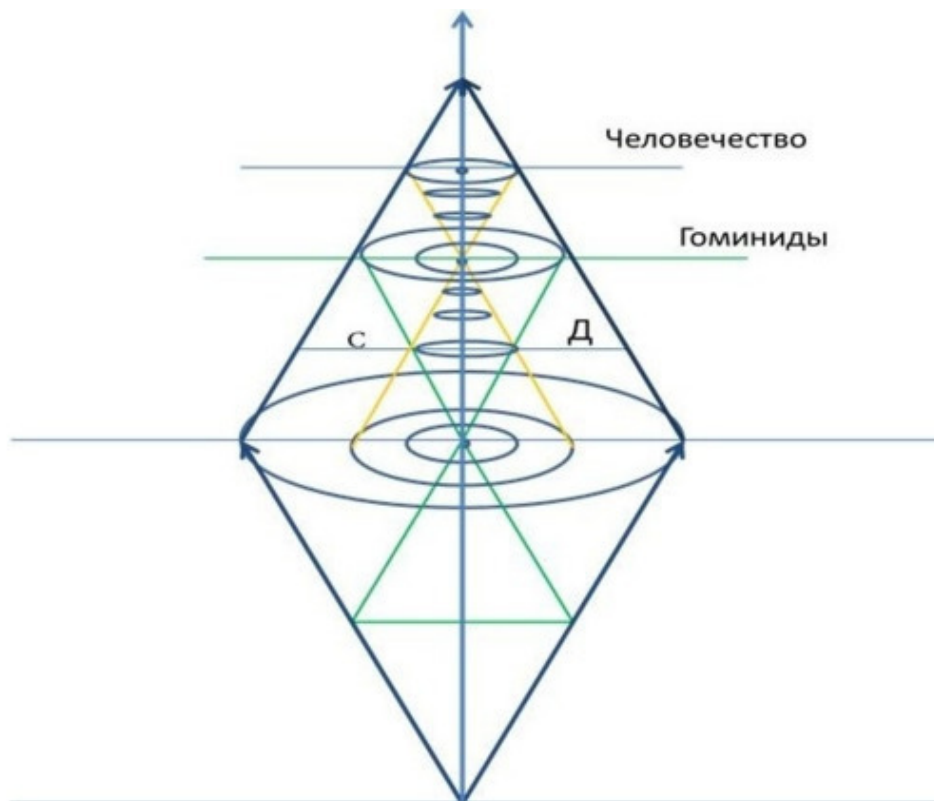
Таким образом, в стадной организации, основанной на функции размножения, в которой участвуют особи противоположных полов – самцы и самки, всегда появляется побочный продукт функционирования – самцы, хотя и способные к размножению, но в нём не участвующие. Эти самцы – жертвы естественного отбора. Так же, как и бесплодные самки они не оставляют потомства и живут на положении гонимых.

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

Если морфологическое развитие (как организации, так и особи) – это дивергентный процесс, от зародыша до максимума морфологического развития, ↘↙ то функциональное развитие – это конвергентный процесс, от максимума возможностей, предоставленных морфологией, до точки совершенства ↗↘.

III. Антропогенез и возникновение трудовой функции

Если эволюция животного мира подготовила для возникновения человеческого общества такую высшую форму организации млекопитающих как стадо, то и человеческий труд возник не на пустом месте. Он возник на базе способности животного выполнять определённого рода работы: собирать съедобные растения, продукты и минеральные вещества, охотиться, переносить предметы и использовать их для добычи питания, исследовать и осваивать новые территории. Весь комплекс этих способностей наблюдается у приматов.

Антропогенез только тем и отличается от процессов образования других видов, что одна ветвь приматов приспособлялась к меняющимся условиям среды за счёт обогащения внешних и сугубо индивидуальных по своей природе функций (питания и защиты) орудийной деятельностью. Превращение этой деятельности в систему, необходимость, логически привело к возникновению труда, ставшего, по мысли Ф. Энгельса, направляющим фактором антропогенеза.

Из перечисленных нами видов животной деятельности абсолютно все составляют содержание труда у человека на первой ступени его экономического развития – эпоху присваивающего хозяйства. Только производство орудий – исключительная прерогатива человека. Во всяком случае, так считали до недавнего времени, и только обнаруженные в Восточной Африке в районе оз. Рудольф примитивные орудия, в производстве которых специалисты подозревают группу австралопитековых, заставляют думать, что искусственные каменные орудия не дожидались появления «человека». Поэтому вопрос о том, кого можно считать человеком, вновь обострился, и на основании палеоархеологических материалов ясно одно – начало производства орудий – это только переломный рубеж в процессе становления человека. Значит, производство орудий – не главный или не полный отличительный признак, а каких-то иных, принципиально человеческих, видов деятельности на заре человеческой истории замечено не было. Это заставляет думать, что процесс формирования трудовой функции как рассудочной деятельности складывается не только из производства орудий, но и из очеловечивания одной из животных деятельностей.^{38 39} *Homo sapiens*

Во многом ещё фрагментарный, но уже многочисленный палеоантропологический материал показывает, что большое семейство гоминид ведёт свою родословную от существ, приспособившихся к наземной жизни, удаляясь от общих с высшими обезьянами предков путём высвобождения верхних конечностей для систематического использования естественных орудий. Это стимулировало отбор морфологических признаков, лучше обеспечивающих прямохождение и манипулирование естественными предметами, превращая лапу животного в руку. Естественно, что систематичность манипулирования орудиями отражалась и на эволюции мозга, но в становлении так называемой «гоминидной триады» отмечена «определённая последовательность: развитие прямохождения опередило формирование подлинно человеческой руки, образование такой руки опередило разрастание мозга и прогрессивную перестройку его структуры». Таким образом, ортоградность была условием совершенствования орудийной деятельности, а последняя была условием первых актов приспособления естественных орудий сначала к какой-то конкретной операции путём подправки, затем – и к руке с помощью предмета-посредника. Несомненно, что такие действия сопряжены с рассудочной деятельностью, и если подправка возможна на уровне интеллекта шимпанзе, так как по существу эта подправка является простым преодолением препятствий, для чего достаточно «элементарной рассудоч-

³⁸ Хауэлс У. 20 миллионов лет эволюции. «Наука и жизнь», 1973, №5, с. 81.

³⁹ Дискуссию советских специалистов по этому вопросу см.: «Природа», 1973, №1 и 2.

ной деятельности», в которой животным сейчас не отказывают, то акт производства предполагает возникновение мышления, сущностью которого является моделирование событий.^{40 41 42}

Выходит, что и мышление опередило появление «Человека разумного». Такой вывод, хоть и не привычен, рано или поздно придётся признать правомерным. Мышление, действительно, – не полный признак человеческого разума. Здесь будет достаточно краткого продолжения структурно-функционального анализа, начатого со стадной организации, чтобы иметь основания для такого направления в исследовании истории высших психических функций мозга.

Орудийная деятельность шимпанзе в добыче съедобных продуктов достаточно хорошо изучена советскими и зарубежными специалистами. Это исключительно индивидуальная функция организма, добывающего себе пищу. Логическим продолжением этой способности является её развитие у гоминид. Индивидуальность такой пищедобывательной деятельности уменьшает давление отбора со стороны организации на дивергентный поток мутаций с менее или более значительными (вплоть до перспективных уродств) – по Р. Гольдшмидту) изменениями в способах добычи пищи, что является основным «творческим» потенциалом начальной стадии антропогенеза. (Схема №2)⁴³

Превратившись в постоянный спутник индивида, орудие пищедобычи определяет отбор более подходящих изменений в строении кисти и логически приводит к обработке орудия. Начало производства орудий – это «отпочкование» от орудийной пищедобычи принципиально новой функции, которая была возможной только на основе мутаций с такими изменениями черепа и мозга, которые могли породить мышление – эту, чисто оперативную (диахронную), функцию мозга.

Итак, к трём функциям (питание, размножение и защита), закономерности развития которых мы уже рассмотрели, добавилась четвёртая. Оставаясь индивидуальной функцией организма и потому диахронной в организационном смысле, первоначальное производство орудий не мешает формированию организации, строящейся на основе единственной действительно организационной функции размножения. Производство орудий только стимулирует уже отмечавшуюся тенденцию повышения организационной целостности в популяции гоминид, перешедших к производству.

Вопреки мнению Ю.И.Семёнова, лучшая приспособленность первоначально к манипуляции орудиями, а затем и к их производству, была результатом естественного отбора. Эти индивидуальные качества повышали ранг особи в организации, поскольку делали эффективной их борьбу за биологические преимущества. Лучшее тому доказательство даёт Джейн Ван Ловик-Гудолл. Она зафиксировала факт повышения социального статуса самца шимпанзе Майка, который пришёл к власти в стаде, научившись производить невыносимый шум, манипулируя тремя металлическими бидонами.^{44 45}

Таким образом, орудийная вооружённость приводит к усилению традиционной иерархии, закрепляя за умелым () высшее положение, увеличивая его способности защитника (общественную роль в разделении обязанностей по детопроизводству). Последнее сопряжено с совершенно неоспоримым усилением роли зоологической семьи, поскольку прямохождение вызвало перестройку не только организма самца, но и самки. О её биологической трагедии уже много говорилось, но самое большое значение для решения проблемы имеют не домыслы

⁴⁰ Алексеев В.П. Возникновение человека и общества. В кн. «Первобытное общество», М., 1975, с. 11—19.

⁴¹ Крушинский Л. В. Роль элементарной рассудочной деятельности в эволюции групповых отношений животных. «Вопросы философии», 1973, №11, с. 120—131.

⁴² Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974., с. 471.

⁴³ Вилли К., Детье В. Указ. раб, с. 255.

⁴⁴ Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. с. 105.

⁴⁵ Ван Ловик-Гудолл Дж. Среди шимпанзе. «Наука и жизнь», 1966, №5, с. 106; её же «В тени человека», М., 1974, с.84, 128.

о проценте смертности самок, а факты: увеличение продолжительности беременности и родительской опеки и изменение физиологии половой жизни. Все эти факты, вместе взятые, делают небезосновательной мысль В. П. Алексеева об усилении зоологического индивидуализма у палеоантропов. *Homo habilis* ^{46 47}

Орудийная деятельность действительно играла прогрессивную роль, но только в смысле ускорения эволюционного процесса, а в стадных отношениях она играла очень консервативную роль. Если заметная, даже в стадах обезьян, тенденция к союзу равных даёт специалистам основание говорить о центральной иерархии, то в стадах гоминид производство орудий для некоторых из них могло стать тупиком развития. Поскольку здесь нет возможности рассматривать боковые отклонения от важного для нас магистрального направления, обратим внимание на то, что по главной для стада функции (размножения) союз равных превращается в группу самцов-монополистов. Кроме того, из-за их способности диктовать свою волю, самки склонны к сожительству с преуспевающими самцами.

Значение возрастного опыта в производстве орудий усилило и без того трудное положение подростков. Их жизнь держалась на волоске, поэтому и эта группа, заметная в стаде, не просто обособляется, а консолидируется. Вытесняемые на периферию стадной организации самцы-подростки, отстающие в производстве орудий по возрастным причинам, имеют одно преимущество перед зрелыми самцами-монополистами. Их главный недостаток с точки зрения стада – отсутствие самок в их холостяцком сообществе, становится очевидным преимуществом в связи с охотой.

Объединение монополистов – это объединение индивидуалистов, мирящихся друг с другом только постольку, поскольку находятся на равном положении. В этом объединении нет иной базы общности, поскольку каждый из них облечён властью в собственном гареме, и каждый защищает свои завоевания. Такая группа, как бы высоко она ни стояла в своих мыслительных способностях, неспособна подняться к кооперации усилий в охоте. Успех своей охоты они способны, не без основания, связывать со своими личными успехами в производстве орудий, поэтому их охота осталась в животной форме, единоличной, отличающейся от охоты шимпанзе только орудийностью.

Таким образом, если оперативная функция мозга (мышление) была включена в работу орудийной деятельностью, то в группе монополистов мысль не могла пойти дальше. Мышление, будучи продуктом производственного труда, остаётся в плену у породившей его функции. Другой путь был возможен только в противоположной группе.

Действительным достижением первобытной мысли было обратное умозаключение, функционально возможное только в группе холостяков. В отличие от монополистов-индивидуалистов, холостяки не были связаны по рукам и ногам биологической организационной функцией (размножением). Как достойные дети преуспевающих отцов, они способны были реализовать свою «мыслительную наследственность» совершенно в иной форме, чем производство орудий, а именно, в коллективной охоте. Последняя возникает не менее естественным путём, чем производство орудий. Коллективная охота тоже базируется на соответствующей функциональной основе стада – это диахронная функция коллективной защиты, актуальность которой возрастает именно у отстающих в производственном отношении молодых холостяков. На основе эффекта от простого сложения усилий при защите возникает коллективная форма охоты. В такой охоте совершенство орудий играет второстепенную роль, а однажды возникший успех открывает путь к более сложным формам кооперации действий. Как самцы-монополисты прогрессируют в индивидуальной и охотничьей деятельности, так и холостяки прогрессируют

⁴⁶ Каррингтон Р. Указ. раб., с. 147.

⁴⁷ Алексеев В. П. Возникновение человеческого общества. В кн. «Первобытное общество. Основные проблемы развития». М., 1975.

в коллективной охоте, но поскольку кооперация производительнее индивидуального труда, то результаты незамедлительно сказываются. Коллектив, вооружённый более примитивными орудиями, но способный к кооперации действий, становится серьёзной угрозой для животного царства.

Группа холостяков превращается в первый трудовой коллектив, связанный новой организационной функцией. Это зародыш нового социального качества, ставящий стадную организацию на грань социального потрясения.

IV. Революция

В обычных условиях смена поколений в стаде не нарушает принципов построения его иерархии, поскольку происходит индивидуальное замещение старейших особей, не способных выполнять главную биологическую функцию. Действует естественный отбор особей. С появлением же охотничьего коллектива холостяков, выработавшего социальную форму выживания, стадо раскололось на два качественно различных лагеря. Если прежде холостяки не могли и помышлять об участии в размножении, не обладая достаточной силой и производственными навыками, то теперь, с первыми успехами в охоте, вплоть до промысла крупных животных, их социальный престиж неудержимо идёт в гору, появляется основа для притязаний на монополию самцов-индивидуалистов. Опираясь на своё социальное качество, кооперацию действий, холостяки способны отбить самок у монополистов.

Не будем испытывать собственную фантазию в реконструкции конкретных событий, первой социальной революции, остановимся лишь на необходимых моментах, вытекающих из функциональных процессов.

раскол стада на две качественно различных группы – центральная иерархия (биологическое качество) и трудовой коллектив холостяков-охотников (социальное качество). : *Первый этап революции*

перераспределение самок – острый, социальный по форме, сексуальный по содержанию конфликт между самцами. : *Второй этап*

оформление новых отношений. Надо полагать, что ветераны первобытной революции не были последовательными революционерами, чтобы, однажды нарушив монополию на самку своего «классового врага», признать это право за своими потомками. По мере подрастания мужской части послереволюционного поколения продолжал действовать прежний механизм взаимоотношений в половой сфере. Взрослые мужчины не более сознательно пресекали поползновения на женщин со стороны половозрелых подростков, чем самцы в стадах животных. Однако, действуя в новых социальных условиях, существования двух групп, такой механизм пресечения половых устремлений внутри группы ориентировал их на противоположную группу. В действие вступала революционная традиция. Консервативные рецидивы, на которые молодёжь могла наткнуться в противоположной группе, легко преодолевались на основе опыта отцов, и сопротивление быстро становится чисто символическим. Естественно также и то, что для первых поколений, как и для ветеранов, приобретение половых партнёров, сопряжённое с определёнными трудностями, было связано с эмоциональным подъёмом борьбы и наслаждения, поэтому известные этнографии оргиастические празднества – это не что иное как революционные праздники, выросшие из борьбы с мрачным наследием ограничений половой жизни в стаде. : *Третий этап*

Именно таким, естественным путём, формируются первые социальные нормы: экзогамия группы, превращающейся в род со сменой поколений, и традиции, регламентирующие отношения в первой социальной организации, совпадающей с социальным организмом, способным осуществлять не только общественное производство, но и воспроизводство поколений – знаменитая . *дуально-родовая организация*

V. Теоретические выводы

Итак, проделав структурно-функциональный анализ отношений в стадной организации и кратко проследив эволюцию трудовой функции, столь удачно для нас решившей судьбу стада гоминид, мы можем сделать самые первые, требующие основательной разработки, выводы.

1. Морфологическая эволюция гоминид (дивергентный процесс антропогенеза), пройдя фильтр функционального развития стадной организации (конвергентный процесс), завершилась в ходе социальной революции. Первые социальные потрясения, участниками которых были уже мыслящие существа, без сомнения, оказали ещё большее психологическое давление на людей, чем последующие социальные революции. Только ломка стадных отношений и меняющиеся на глазах критерии социальной ценности, включили в работу социальную (синхронную) функцию мозга – . Мозг получил принципиально новую информацию – . Ещё очень скудное, но достаточное для работы мозга в синхронном измерении. Это знание практически продемонстрировало, что такое «мы» и «они». *сознание социальное знание*

Зоологическое «я», основанное на диахронной стороне трудовой функции – производстве орудий, и на диахронной функции мозга – мышлении, видимо, не получило развития, поскольку пало жертвой в неравной борьбе с кооперированным трудом, воплощённым в сознании, как «мы». Естественная смерть кучки стариков, бывших монополистов, если таковые вообще сохранили жизнь в ходе революции, на долгое время унесла из жизни первобытного общества всякий индивидуализм. Сама революция произвела окончательный морфологический отбор существ, способных жить в обществе – соизмерять свои поступки с требованиями нового способа коллективного выживания. Этот отбор прошёл только . *Homo sapiens*

1) Становится понятной мысль Ф. Энгельса о том, что общество возникает «вдобавок», вместе с готовым человеком. Оно формируется не одновременно с человеком, а только в ходе социальной революции – качественного скачка, венчающего становление человека.

Социогенез начинается с зародыша социального качества – охотничьего коллектива холостяков, открывая бурный дивергентный поток морфологического развития социальной организации неантропа.

2) Последний из предварительных выводов должен коснуться самого важного вопроса, вытекающего из факта возникновения нового способа организации – чем, собственно, этот способ превзошёл предшествующие?

Чтобы достаточно обоснованно ответить на этот вопрос в этой статье недостаёт анализа каких-то иных способов организации, помимо способа, основанного на функции размножения. Более или менее основательно ответить можно, обратив внимание на особенности самой трудовой функции. Её двойственность проявляется в двух аспектах. Во-первых, это внешняя функция связи человеческого общества с окружающей средой, что исчерпывающе проанализировано в «Капитале» К. Маркса в разделе «Процесс труда». Во-вторых, это одновременно и структурообразующая функция организации, занимающая место как в синхронии, так и в диахронии. Последний аспект связан с тем, что трудовая функция возникает на основе способности отдельного организма производить работу и на социальной возможности кооперации работ. Все индивидуальные способности организма превращаются сознанием в постоянный набор функций, потенциально способных стать основой кооперации и, тем самым, занять господствующее положение в синхронии, т.е. стать структурообразующими. Это значит, что, будучи одновременно и внешней, и структурообразующей, трудовая функция фундаментально изменила принцип сохранения вида, поставив условие его существования в зависимость от внутренней перестройки, а знание и сознание дают возможность перестраиваться на основе всего морфологического и функционального потенциала предшествующей эволюции органического мира.

Не этот ли фундаментальный принцип организации органического мира имел в виду В. П. Алексеев, связывая его с содержанием начального возникновения социальных отношений? ⁴⁸

⁴⁸ Алексеев В. П. О некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации. «Советская этнография», 1974, №5.

Список литературы

- [1] Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20, с. 491.
- [2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с. 188—189
- [3] Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 118—129.
- [4] Там же, с. 30.
- [5] Наиболее последовательно концепция антропосоциогенеза представлена Ю. И. Семёновым в той же работе, с. 26—33.
- [6] Поршнёв Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974, с. 380—403.
- [7] Леонтьев А. А. О начале человеческой истории. Размышления над книгой Поршнёва Б. Ф. – «Советская этнография», 1975, №5, с. 145.
- [8] Семёнов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества. В кн.1, «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968, с. 196.
- [9] Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 106.
- [10] Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 105.
- [11] Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 22.
- [12] Энгельс Ф., Указ. раб. с. 490; Семёнов Ю. И., Там же, стр. 31.
- [13] Файнберг Л. А. О некоторых предпосылках возникновения социальной организации. «Советская этнография», 1974, №5, стр. 94—103; Возникновение и развитие родового строя. В кн. «Первобытное общество». М., 1975, с. 49—87.14.
- [14] Токарев С. А. Новое о происхождении экзогамии и о тотемизме. В кн. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». М., 1968, с.260, 258.
- [15] Семёнов Ю. И. Как возникло человечество., с. 472—477.
- [16] Аругюнов С. А. О форме стада предлюдей. «Советская этнография», 1974, №5, с. 107.
- [17] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25—26.
- [18] Семёнов Ю. И. Объединения обезьян и человеческое общество. «Советская этнография», 1974, №5, с. 115.
- [19] Вилли К, Детье В. Биология (биологические процессы и законы). М., 1974, с. 655
- [20]. J. Schaller. The mountain gorilla/ Ecology and behavior, Chicago – London, 1963.
- [21] Панов Е. Н. популяция и индивидуум: эволюция взаимоотношений. «природа», 1973, №3; Организация и эволюция популяционных систем. «Вопросы философии», 1973, №11.
- [22] Эспинас А. Социальная жизнь животных. СПб., 1882, с. 393
- [23] В дополнение к указ. работам Панов Е. Н. см.: Всех зверей язык узнал он... «Знание – сила», 1970, с. 40—42.
- [24] Панов Е. Н. Организация и эволюция популяционных систем., с.135—136.
- [25] Алексеев В. П. Генетика и антропология. «Наука и жизнь», 1969, №9.
- [26] Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970, с. 92
- [27] Тих Н. А. Там же.
- [28] Тих Н. А. Указ. раб., с. 278.
- [29] Ван Ловик-Гудолл Дж. Мои друзья – дикие шимпанзе. «Знание – сила», 1972, №6, с. 51.
- [30] Шовен Р. Поведение животных. М., 1972, с. 110.

[31] Каррингтон. Млекопитающие. М., 1974, с. 151.

[32] Тих Н. А. Указ. раб., с. 149—175.

[33] Вилли К., Детье В. Указ. раб., с. 655.

[34] В качестве исходной основы берётся неорганизованное скопление вида в соответствии с теорией Элли У. С. (1951). Такие скопления образуются на основе общих потребностей, например, пищевых. Выделение из этой массы группы «самец-самка» или «самцы-самки», связанной функцией размножения, может быть истощением пищевых ресурсов в месте первоначального скопления, или иным изменением среды. Именно отсюда начало перспективный и важный для нас способ организации вида.

[35] Подробнее см. у Панова Е. Н. Организация и эволюция популяционных систем., с. 137.

[36] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

[37] Хауэлс У. 20 миллионов лет эволюции. «Наука и жизнь», 1973, №5, с.81 38. Дискуссию советских специалистов по этому вопросу см.: «Природа», 1973, №1 и 2.

[39] Алексеев В.П, Возникновение человека и общества. В кн. «Первобытное общество», М., 1975, с. 11—19.

[40] Крушинский Л. В. Роль элементарной рассудочной деятельности в эволюции групповых отношений животных. «Вопросы философии», 1973, №11, с. 120—131.

[41] Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974., с. 471.

[42] Вилли К., Детье В. Указ. раб, с. 255.

[43] Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. с. 105.

[44] Ван Ловик-Гудолл Дж. Среди шимпанзе. «Наука и жизнь», 1966, №5, с. 106; её же «В тени человека», М., 1974, с.84, 128.

[45] Каррингтон Р. Указ. раб., с. 147.

[46] Алексеев В. П. Возникновение человеческого общества. В кн. «Первобытное общество. Основные проблемы развития». М., 1975.

[47] Алексеев В. П. О Некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации. «Советская этнография», 1974, №5.

А. Е. Учитель.

Структурная периодизация социальной истории

Предисловие

Обычно автора волне исчерпывающе представляет само его сочинение, но история открытия, положенного в основу «Структурной периодизации», составит для читателя не меньший интерес, ибо история всякого открытия – это связь с современностью.

Свое открытие А. Учитель сделал в сентябре 1970 г. в советском лагере для политических заключенных в Мордовии. Одно это обстоятельство требует объяснить читателю, что же собственно общего между научным трудом Учителя и тем политическим преступлением, за которое он был осужден в нашей стране. Кроме того, сама жизненная ситуация, в которую попал автор, в значительной мере определила путь его научного поиска, поэтому обрисовка этой ситуации представляется совершенно необходимой.

В лагере захолустного мордовского села Барашево мы встретились с Учителем в один из теплых солнечных дней короткого лета 1970 г. А впервые я увидел его в зале судебного заседания Саратовского областного суда, куда он был конвоирован для дачи показаний на нашем процессе. К тому времени Учитель уже был осужден в Петрозаводске к четырем годам лагерей строгого режима. В Петрозаводске он учился на филологическом факультете университета и к нашей организации имел весьма отдаленное отношение. В Саратове же на скамье подсудимых было шесть человек – членов одной нелегальной неомарксистской организации.

Когда Учителя допрашивал судья Теплов В. А., подогретый чувством «особой политической ответственности» за этот процесс, Александр отвечал на его вопросы тихо и нехотя. Его маленькая фигурка, терявшаяся между двух солдат-конвоиров, его мальчишеский возраст и тихий голос, породили у меня тогда странное и тогда еще непонятное ощущение.

Нет, – это не ощущение нелепости происходящего. У меня само противостояние нашей маленькой группы многочисленным стражам коммунистического порядка никаких недоумений не вызывало. Мы являлись двумя противоположностями одного качества. Все вместе и каждый в отдельности мы оставались связанными с обществом тысячами нитей, что допускало любую форму компромисса, примирения или союза.

Нас обвиняли – мы тут же признавали себя виновными. Нас судили – мы тут же каялись. Нам вполне обоснованно не верили, ибо каялись мы наполовину искренне, наполовину лживо. Конечно, на деле все было не так буквально, но все мы, кто-то раньше, а кто-то позже, сложили свое идейное оружие. Мы и до ареста чувствовали его слабость, а когда нас взяли, каждый сразу обнаружил, что им невозможно защищаться. Уловив нашу идейную слабость, чекисты пробовали нас стыдить, но быстро поняли, что в дискуссию они вступают тоже с негодными средствами. Тогда дискуссии оставили и принялись отмерять каждому меру его вины: мы с чувством неловкости за то, что выступили с неполноценным оружием, они – с чувством исполненного служебного долга. Тень теоретической недосказанности в сознании чекистов быстро угасла, ибо вопросы теории не входят в их компетенцию. Что же касалось лживой повинности нашего раскаяния, то она держалась, с одной стороны, на интуитивном убеждении, что все равно в системе что-то надо менять, а с другой стороны, на нашей идейной неуязвимости с позиций официальной идеологии.

Такое состояние наших отношений с государственным аппаратом вовсе не делало нас чужими, взаимоисключающими элементами. К нам относились как к своим, хотя и наказывали

предельно жестоко. Но вот Учитель производил другое впечатление. Он был чужаком. Это я понял позднее. Он был чужаком в нашей организации и в нашей стране. Если мы имели с советским обществом идеологическое единство, с той лишь особенностью, что мы были «протестантами» в марксизме и все новые явления общественной жизни, преломляясь в нашем сознании через призму узко-идеологического мышления, совершенно естественно порождали сектантское отклонение от официальной идеологии, то вот Учитель марксистом никогда не был.

Его представления о марксизме до лагеря ограничивались работой Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и работой идеолога нашего сектантского вероучения «Закат капитала». Последняя была написана в Рязани и напечатана нелегально в 1967 г. под псевдонимом Л. Борин.

Теоретические основы нашего вероучения, имея троцкистские идейные истоки, формулировались на донаучном уровне и сводились к антисоветской концепции государственного капитализма в СССР, а практическая деятельность рязанского проповедника была направлена на создание по всей стране марксистских сектантских групп, призванных основать новую партию, способную возглавить «грядущее пролетарское движение». Надо заметить, что идеологическое единство в таких марксистских группах наблюдалось только в период изучения новой теории, когда же речь заходила о практических шагах, то начинался безудержный «разброд и шатания».

В идеологическом плане для нас характерно было и то, что все мы вовлекались в сферу сектантского мышления путем раскрытия пропагандистом отсутствия логики в официальной идеологии и, прежде всего, в вопросе о методологической основе марксизма – экономическом детерминизме. А новая концепция восстанавливала логическую связь путем отрицания социализма в СССР, утверждая буквально следующее: если «государственный капитализм» называет себя «социализмом» – не верь ему. Для этого в «Закате капитала» был использован простой формально-логический довод: «Если сумасшедший называет себя Юлием Цезарем, то это вовсе не значит, что Юлий Цезарь был сумасшедшим». Таким образом, Л. Борин спасал идеал социализма от грехов его современного бытия.

Как всякая религия, наша вера опиралась на три априорных догмата, причем, двум из них автор «Заката капитала» обязан всей системе советского воспитания, заложившей их в наше сознание:

– это принятие, как бесспорного, вывода Маркса о том, что на смену капитализму неизбежно придет социализм; *Первое*

– это убеждение, что только пролетариат – та революционная сила, которая низвергнет капитализм. Ну а третье положение уходит своими корнями в еще господствующий повсеместно уровень неопределенности категорий, которыми оперирует общественное сознание. Это порождает всеобщую (и на Западе тоже) невзыскательность к тем признакам, которыми разные авторы определяют ступени общественного развития. По этой причине, априорное положение нашего вероучения – это, и раньше имевшее место в истории социальных движений, наивное убеждение, что уровень общественного развития уже достаточен для идеального социального строя и надо только сломать устаревший политический аппарат. *Второе третье*

Так вот, Учитель не успел до знакомства с «Закатом капитала» впитать в себя первые два догмата, а с третьим столкнулся, имея более широкие научные представления, чем члены нашей секты. Он в свои девятнадцать лет, обладал хорошими филологическими и глубокими историческими знаниями, был знаком с первыми очень ценными опытами структурных исследований, и сознание его было совершенно свободно от идеологического мышления. Единственное его политическое убеждение в тот период состояло в требовании свободы информации. Он вовсе не хотел свергать или подрывать существующий в СССР общественный строй. Просто он услышал от Олега Сенина (руководителя саратовской группы) систему необычных представлений. Сенин сказал ему, что может дать для чтения соответствующую литературу,

но при условии, что Учитель поищет каналы для ее передачи за границу. Это условие отвечало политическому убеждению Учителя, и он согласился с предложением Сенина. Так судьба свела его с марксистами.

Но не успел Учитель, подобно нам, усвоить работу Л. Борина «Закат капитала», как его арестовали, потаскали по судам, помотали по пересылкам и забросили в мордовский лагерь, где он познакомился с занятыми взглядами и убеждениями его обитателей.

Быстрое знакомство Учителя с разнообразными оппозиционными взглядами на современное состояние советского общества и его историю избавило Учителя от оков сектантского мышления, очень характерного для большинства таких диссидентов, как мы. Для Учителя лагерная информация была абсолютно равнозначна той информации, которую он получил из «Заката капитала». Он воспринимал ее как посторонний наблюдатель, а в лагере чувствовал себя не политическим заключенным, а случайным посетителем. И, если мое сектантское восприятие лагерного инакомыслия определило мою политическую позицию и мое лагерное поведение, то Учитель совершенно никакой политической позиции не занимал, его поведение было в высшей степени индивидуальным, и в лагере он оставался личностью исключительной.

Когда его перевели из семнадцатого лагеря к нам на «тройку», где содержался я и наш товарищ по группе Дмитрий Куликов, мы встретили Учителя, как своего, но с первых же разговоров выяснилось невероятное обстоятельство: по своим воззрениям мы не могли попасть под одни знамена. Учитель не имел никакого понятия о марксизме, а на «Закат капитала» смотрел не как на программную работу «движения», а как на частную точку зрения. Мы посмеялись над этим забавным положением, отметив, что лагерная присказка «кого только ЧК не наловит!» имеет к нам самое непосредственное отношение.

В то лето, когда мы встретились с Учителем в Мордовии после долгих и душных месяцев камерного содержания в тюрьмах, я был озабочен поиском причин слабости и несостоятельности нашего сектантского направления. Поэтому первые беседы с Учителем о «Закате капитала» превратили эту работу в отправную точку научного поиска. Для нас «Закат капитала» поставил под сомнение вопрос о формационной принадлежности социально-политического строя в Советском Союзе. А мы, отметив несостоятельность массы признаков, которые легко интерпретируются, и за социализм, и против него, стали искать более надежный критерий, способный измерить нынешнюю ступень общественного развития и соотнести ее с другими уровнями исторического процесса. В конечном счете, вопрос принял более четкую форму: каков бесспорный критерий периодизации социальной истории, в каких единицах измерять исторический процесс?

Такая простая цепь вопросов выстроилась в нашем сознании только в лагере и только благодаря двум обстоятельствам:

1) что Учитель знал о той степени научной строгости, которую несет структурализм в гуманитарные науки,

2) что общение с марксистами сделало более серьезным отношение Учителя к научному наследию Маркса.

Позднее, когда мы познакомились со всей советской литературой по данному вопросу, оказалось, что в ней проблема формулируется почти таким же образом, за исключением отправной точки, ибо для советской официальной науки немислимо сомнение в реальном существовании социализма в СССР.

По этой причине, в проблемной литературе, наиболее энергичные попытки решить вопросы периодизации социальной истории ограничиваются «докапиталистическими обществами», что само по себе исключает возможность решения проблемы, ибо сужает поле исследования до уровня, который значительно ниже того, где находился Маркс, пытаясь решить ту же проблему. Маркс, как известно, искал критерий периодизации истории на всем обозри-

мом отрезке времени: от возникновения общества, вплоть до им же экстраполированного коммунизма.

Однако дело не столько в существовании в СССР «безопасной» для творческих поисков зоны «докапиталистических» исследований (иначе, проблема была бы решена на Западе), сколько в одинаково неудовлетворительном, хотя и диаметрально противоположном отношении к марксизму в двух мировых социально-политических системах.

В социалистических странах марксизм не то что переоценивают, переоценить его трудно, он вопреки партийным установкам о «творческом развитии», превратился в откровение нечеловеческого порядка. Всякие социальные исследования в русле марксизма, даже те, которые проводятся по заданию партии, свелись к схоластическому манипулированию наследием классиков марксизма. В результате, марксизм, как направление научно-исследовательской работы, совершенно не развивается. Похоже, что официальное советское обществознание вообще не берет на себя смелость решать проблемы. Ему гораздо выгоднее «поднимать» их и «ставить», воздвигая из актуальных проблем глухой забор, ограждающий покой схоластического болота.

А на Западе, на мой взгляд, обратно пропорциональное отношение к марксизму. Чем больше марксизм обожают на Востоке, тем больше его недооценивают на Западе. Западная академическая наука, очевидно, считает нереспектабельным то научное направление, которое стало яблоком раздора в руках политиков, и, поэтому серьезное отношение к марксизму в рядах ученых Запада большая редкость. Мне кажется, что старые счеты академической науки с Марксом так и толкают ее обойти марксизм в теории истории, вместо того, чтобы продолжить открытое им направление исследовательской работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.